

Все эти оценки, и хвалебные и отрицательные, оставались в пределах заурядного и обычного, причём современные свидетели уделяли мало внимания литературному процессу периода моего правления. Так, в нескольких строках, посвященных достижениям моего царствования, которые были вставлены в игривую и ученую поэму, написанную в 949/950 г. (поэма имела в виду меня так же, как и моего сына — ее официального адресата), их автор превозносит лишь одно обстоятельство: «мои» (читай: моего полководца Льва [?] Фоки) военные успехи. Автор поэмы имел в виду отвоевание захваченных арабами земель, в особенности, Мараш-Германики и Хадат-Адата. А литературная личность ранга Симеона Логофета умолчала о моей эрудиции и о поддержке учености в погребальном плаче, который он составил для меня в 959 г. Более того, ни один источник, будь то современный мне или более поздний, не обмолвился ни словом о таком предмете моей глубокой заботы, который Вы в Гарварде называете *The Classics*, — о моем увлечении классическим образованием. Единственные авторы, упомянутые в связи с моими литературными интересами и пристрастиями, были Отцы Церкви — Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст⁸, а единственный критик

Зонаре см. также примеч. 9). Другие возможные источники («Логофет», завершивший изложение на 948 г., каким он предстает, в частности, в тексте Псевдо-Льва Грамматика; Хроника Псевдо-Симеона Магистра; Продолжатель Георгия Амартола, включая версию издания Истрина) не содержат *общих* оценок правления Константина VII.

⁸ В отношении поэмы 949/950 гг. ср.: *Odorico P. Il calamo d'argento. Un carme inedito in onore di Romano II // JÖB. 1987. Bd. 37. S. 65—93; особенно S. 91, строки 61—77. В строке 64 издатель согласно рукописи воспроизводит ἔγραψεν τὴν Ἀδανα, ἣν εἶλε(ν) δόρυ. Нам ничего не известно о завоевании города Адана незадолго до 950 г.; Иоанн Цимисхий и Никифор Фока завоевывали его в 963 г. и в 964 г. соответственно: ср., например: *Hellenkemper H. G., Hild F. Kilikien und Isaurien // Tabula Imperii Byzantini. 1990. Vol. 5. P. 154—157. С другой стороны, нам известно, что Лев Фока взял Хадат = Ἀδατα в 948 (950?) г., отобрав его у Хамданида Сейф-ад-Даулы, откуда ἔγραψε Χαμβδάν в строке 67 и Φωκῶν ἰδοῦ в строке 70. В отношении этих фактов ср., например: *Hartmann R. Al-Hadat al Hamra // Kleinasien und Byzanz. Istanbulischer Forschungen. 1950. Bd. 17. S. 40—50, особенно S. 42. С этим завоеванием прекрасно согласуется датировка поэмы. Смещение Ἀδανα (город хорошо известен около 1300 г. — предположительная дата рукописи поэмы) с Ἀδατα (его «великая история» закончилась в 957 г., ср.: *Ibid. S. 43*) встречается постоянно. Так, в двух случаях, где Иоанн Скилица пишет Ἀδαταν (142. 76 и 245. 35 Thurn), то одна, то другая его рукопись предлагает Ἀδανα. С другой стороны, Константин, которого Феодосий Дякон, писавший вскоре после 961 г., просит восстать из гроба в сочинении *De Creta carta*, строка 997, является Константином VII (это вопреки издателю Х. Крискуоло, который, в примечании ad locum, полагает, что речь идет о Константине Великом); однако, там наш император приглашен обозреть положение в Сирии — а не свое культурное наследие. — О Плаче Симеона ср. мою ст.: *Poems on the Deaths of Leon VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Scylitzes // DOP. 1969/70. Vol. 23/24. P. 210—212. В отношении короткого упоминания Константина в Хронике Логофета ср., например: *Ps.-Leo Grammaticus. Chron. 328. 15—331. 3 Bonn. Эпитафия на смерть некоего Константина, принадлежащая Иоанну Геометру (PG. T. 106. Col. 940 A — 941 A), скорее всего, относится не к Константину VII (вопреки *Odorico. Il calamo ... P. 70*), а к какому-то высокому чиновнику, который много путешествовал по суше и по морю. О Константине VII как читателе трудов Назианзина и о восхищении, которое он от них испытывал, см.: *Sakkellion I. Κωνσταντίνου ... (полное заглавие см. в примеч. 45), 264 (τοῖς σοῖς ἀγίοις λόγοις προσομιλῶν τὸν φατισμὸν ἐδεξάμην τῆς γνώσεως). О данной Константином VII литературной оценке Иоанна Златоуста см.: *Theoph.*******